

О.И. Рогова

Ландыш

Сборник рассказов для детей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
О-11

О-11 **О.И. Рогова**
Ландыш: Сборник рассказов для детей / О.И. Рогова – М.: Книга по Требованию, 2021. – 102 с.

ISBN 978-5-458-10603-0

Четвертое издание. Санкт-Петербург : издание А.Ф. Девриена, 1902.

ISBN 978-5-458-10603-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нѣсколько фанзъ****) съ плоскими крышами и бѣлыми глиняными стѣнами.

— Вотъ, барыня, и Ивановская заимка, — сказалъ ямщикъ.

Гдѣ, гдѣ? — засутились дѣти.

А за фанзами-то, въ лѣсочкѣ...

Но будущее ихъ жилье такъ хорошо спряталось въ лѣсу, что его совсѣмъ нельзя было разсмотрѣть, и только у самага поворота, изъ-за цѣлой группы могучихъ дубовъ, выступилъ, наконецъ, хорошенькій домикъ съ красною черепичатою крышею, бѣлыми стѣнами и балкономъ, заросшимъ уже до половины густою зеленью дикаго винограда.

Дѣти выпрыгнули изъ тарантаса и побѣжали вокругъ дома, по песчаной дорожкѣ сада, отгороженнаго плетнемъ отъ двора. Уголокъ былъ просто прелесть. Домъ стоялъ на крутомъ утесѣ, надъ заливомъ, а по краю утеса росли столѣтніе дубы, липы и лиственницы.

Вокругъ балкона громоздились купы темномалиноваго махроваго шиповника; онъ наполнялъ весь садъ ароматомъ. Дальше, между грядками клубники, стояли ульи, и пчелы весело гудѣли на солнцѣ. Голубыя волны залива тихо журчали у подножія утеса, а вдали рисовался берегъ, поросшій сплошь лѣсомъ.

— Мама, мама, какъ тутъ хорошо — закричали дѣти матери, только что отпустившей ямщика.

— Хорошо-то, хорошо, только какъ мы попадемъ въ комнаты? — отозвалась она со двора, — дверь заперта и ни души нигдѣ не видно...

Дѣти попробовали отпереть дверь съ балкона, но она тоже не подавалась.

На другомъ краю двора стояла фанза — жилье рабочихъ. Тамъ, на низкихъ полатяхъ, замѣняющихъ постель, крѣпко спалъ черноволосый бородатый кореецъ. Его очень трудно было разбудить, и онъ долго еще зѣвалъ, потягивался и протиралъ глаза.

— Какъ попасть въ домъ? — допытывалась у него новая жилища.

— Мамама сюда живи есть? — спрашивалъ онъ, — дома? Сашка дома нѣту, ключа Сашка возьми, Егора ключа нѣту...

Оказалось, что дворникъ уѣхалъ во Владивостокъ и увезъ съ собою ключъ отъ дачи.

— Да, вѣдь, я просила, чтобы мнѣ выслали лошадь и ждали меня...

— Егоръ говори есть: Сашка, жди, — Сашка ключа увезъ...

— Когда же онъ пріѣдетъ?

Завтра приходи есть... Сегодня нѣтъ...

Новые жильцы совсѣмъ было пріуныли: назадъ ѣхать некуда, а ночевать на дворѣ тоже неудобно.

— Витя, пойдѣмъ, попробуемъ открыть окно на балконѣ, — догадалась Соня, — оно, кажется, неплотно прикрыто...

Сказано — сдѣлано. Окно, къ счастью, подалось, Витя влѣзъ въ комнату и открылъ запертую изнутри дверь балкона.

Въ домикѣ оказались три комнаты съ самою простою мебелью: дюжина соломенныхъ стульевъ, три желѣзныя кровати, большой четырехугольный столъ и еще два, три столика поменьше, высокая конторка, зеркальце и старый поломанный письменный столъ — вотъ и все. За кухнею находилась еще каморка для прислуги, а въ сѣняхъ — чуланъ для провизіи. Впрочемъ, недостатокъ мебели выкупался чистотою заново побѣленныхъ потолковъ и стѣнъ и массою воздуха и свѣта.

**** Корейскія жилища.

Когда открыли окна въ садъ, то оттуда пахнуло такою чудною весною, что дѣти ни минуты не усидѣли въ комнатахъ и опять помчались въ садъ.

II

Анна Алексѣевна Хрулева, вдова, учительница одной изъ гимназій восточной Сибири, пріѣхала провести лѣто на заимкѣ своей хорошей знакомой, отправившейся въ Японію.

Дѣти ея, Витя, десятилѣтній кадетъ, и Соня, тринадцатилѣтняя гимназистка, всего годъ какъ пріѣхали съ матерью изъ Россіи на дальній востокъ. Они плохо уживались на новой родинѣ, всю зиму прихварывали, и Анна Алексѣевна была рада увезти ихъ лѣтомъ на берегъ моря.

На другое утро явился дворникъ Александръ, горбатое, уродливое существо съ огромными руками, коротенькими ножками и непомѣрно большою головой.

Когда Анна Алексѣевна стала ему выговаривать, что онъ не выѣхалъ встрѣчать ихъ на станцію, онъ пресмѣшно нагнулъ голову на бокъ и проговорилъ:

— А я же почему зналъ, что вы пріѣдете?

— Да развѣ тебѣ твоя барыня не говорила?

— Говорить-то, говорила, да я подумалъ, что гдѣ же такъ скоро собраться.

Съ Егоромъ — корейцемъ онъ, повидимому, былъ не въ ладахъ: они сейчасъ же начали о чемъ-то спорить и браниться, причемъ кореецъ пресмѣшно выкрикивалъ какіе-то горловые птичьи звуки, размахивалъ руками трясъ головой, а горбунъ покраснѣлъ отъ волненія и старался его перекричать.

Дѣти ушли въ садъ и стали прилаживать привезенный съ собой гамакъ. Вдругъ изъ-за толстаго дуба показалась смуглая лохматая головка; она сейчасъ-же скрылась и раздался отчаянный пронзительный ревъ.

Дѣти бросили гамакъ и побѣжалъ къ дубу.

Внизъ по утесу ползла чуть не кувыркомъ босоногая маленькая корейка лѣтъ пяти, а навстрѣчу ей спѣшила дѣвочка вдвое ея старше; красивое смуглое личико ея съ блестящими черными глазами весело улыбалось дѣтямъ.

— Здравствуй, — проговорила она довольно чисто по-русски.

— Здравствуй, — отвѣтили дѣти въ одинъ голосъ. — Ты говоришь по-русски?

— Мало-мало...

— Какъ тебя зовутъ?

— Мадама, живи тутъ другое лѣто, звала Маша. (Барыня, которая жила тутъ прошлымъ лѣтомъ, звала Машей).

— А по-корейски какъ твое имя? — спросилъ Витя.

— Корейска нѣтъ имя; мальчика есть, дѣвочка — нѣтъ...

— Развѣ же ты забылъ, Витя, что у корейцевъ женщинъ никакъ не зовутъ? — сказала Соня.

А чего она закричала? — любопытствовалъ Витя, показывая на маленькую корейку, выглядывавшую изъ-за сестриной юбки.

А она боится... пояснила Маша.

Въ эту минуту изъ-за спины ея показалась еще одна лохматая головка. Оказалось, что тамъ въ чемъ-то вродѣ мѣшка былъ привязанъ, какъ тюкъ, маленькій трехлѣтній братишка; онъ мирно спалъ, и только крикъ сестры разбудилъ его.

— Зачѣмъ же ты таскаешь такого большого за спиной? Развѣ онъ не можетъ самъ

ходить? — спросила Соня.

— Онъ лѣнивый есть; ходить не любить, плачетъ... пояснила Маша.

Она отмотала полотенце, которымъ былъ привязанъ мальчикъ, и спустила его на землю.

— А его зовутъ какъ-нибудь? — допытывался Витя.

— Его имя есть — И-го-не...

Маленькій Игоне глубокомысленно сосалъ палецъ и посматривалъ на новыхъ жильцовъ.

Дѣти разговорились съ Машей и узнали, что въ окрестности пять фанзъ и въ нихъ живутъ человекъ до тридцати корейцевъ. Все они воздѣлываютъ отведенные имъ участки, за что получаютъ часть продуктовъ: чумизы (проса), огурцовъ, картофелю, капусты. Кромѣ того ходятъ работать по сосѣдству, или на станцію, или въ городъ. Мать и отецъ Маши имѣютъ даже своего работника, а старшій братъ ея служитъ на другой заимкѣ пастухомъ.

Дѣвочка рассказала дѣтямъ еще, что хозяйка заимки очень хотѣла увезти ее во Владивостокъ для комнатныхъ услугъ, но родители ее не пустили.

— Отчего же тебя не пустили? — спросилъ Витя.

— Нельзя, служить стыдно, рабочій кули служить, онъ — рабъ, а мы свободные, — пояснила Маша на своемъ ломанномъ нарѣчїи, — меня надо замужъ отдать.

Да вѣдь это еще не скоро? — возразила Соня.

Одна зима пройдетъ и другая, а тамъ я пойду съ матерью въ Корею, въ нашу деревню и выберу мужа, приведу съ собой, онъ будетъ помогать отцу.

Дѣти слушали съ удивленіемъ.

— Вотъ такъ невѣста, тринадцати лѣтъ! — засмѣялся Витя; — такъ, вѣдь, и ты, Соня, въ невѣсты годишься!..

Между разговоромъ дѣти узнали, что, не смотря на начало іюня, вода въ морѣ уже теплая, и можно купаться.

— Мама, дай намъ полотенца, — закричали они, — мы купаться пойдемъ!..

Анна Алексѣевна было возразила, что еще рано начинать, но потомъ уступила просьбамъ дѣтей и пустила ихъ съ Машей.

Пришлось слѣзать съ утеса по самой крутой тропинкѣ; съ непривычки дѣти каждую минуту скользили, но ловкая Маша въ нѣсколько прыжковъ была внизу. Она живо сбросила съ себя коротенькую кофточку, не доходившую до талїи, и размотала длинное полотенце, пришитое къ поясу. Игоне съ маленькою сестрою не раздѣвались, а бродили въ своихъ рубашенкахъ по колѣно въ водѣ и ловили маленькихъ крабовъ; они брали ихъ живьемъ, разламывали скорлупу и ѣли.

Вѣдь они сырые? — удивился Витя.

Но дѣти только смѣялись и съ аппетитомъ разгрызали скорлупки. Въ водѣ плавали безформенныя, голубоватыя медузы. Дѣти сначала боялись ихъ, но Маша вытащила одну изъ нихъ поменьше на берегъ, только не руками, а палочкою. Витя и Соня съ любопытствомъ разсматривали ея щупальцы и склизкое тѣло, похожее на студень. Соня хотѣла до нея дотронуться, но Маша ее остановила.

Не надо, она жги есть (обожжетъ).

Дно моря было чистое, песчаное, вода теплая, прїятная, — дѣти-бы, вѣрно, не скоро вышли изъ воды, если бы Анна Алексѣевна не позвала ихъ завтракать.

Машѣ и ея спутникамъ тоже дали по чашкѣ чая съ молокомъ и по куску хлѣба; они расположились на ступенькахъ балкона, какъ дома. Машу, все интересовало: и гамакъ,

которого она никогда не видала, и книги съ картинками, и карандашъ... Соня нарисовала ея портретъ и подарила ей свой немудрый рисунокъ. Маленькая корейка пришла въ такой восторгъ, что начала плясать по саду съ этимъ подаркомъ и запѣла что-то очень веселое на своемъ гортанномъ птичьемъ языкѣ.

III

Тихо и мирно протекала жизнь въ одинокой заимкѣ. Дѣти привыкли къ своеобразію этой жизни и не удивлялись больше, когда пастухъ — кореецъ доилъ коровъ или работникъ Егоръ мылъ полы на дачѣ, а женщины — корейки сидѣли въ своихъ фанзахъ и ни за что не соглашались исполнить какую-либо домашнюю работу. Освоились дѣти и съ окружавшими ихъ дикарями — корейцами. Все это были добродушные, приветливые люди, только лѣнивые и не особенно услужливые. Съ виду они напоминали индѣйцевъ своими высоко закрученными волосами и смуглыми лицами. Дѣти въ шутку называли ихъ именами майнъ-ридовскихъ героевъ: Кровавая Рука, Орлиный Глазъ, Слѣдопытъ...

Маша цѣлый день не отходила отъ дѣтей; она быстро научилась говорить по-русски и отлично усваивала всякую новую работу: стала проворно владѣть иглой и сшила себѣ юбку и кофту изъ купленного ей Анной Алексѣвной ситцу; научилась рисовать домики, животныхъ, птицъ, цвѣты; выучила наизусть нѣсколько стишковъ и даже стала учиться у дѣтей русской грамотѣ.

Чуть не каждый день являлась она съ какимъ-нибудь подаркомъ: то притащить огурцовъ, то ягодъ, то цвѣты, положить на балконъ, застыдится и убѣжить.

Маша, ты любишь насъ? — спрашивала Соня.

Маша поднимала на нее свои большіе выразительные черные глаза и потомъ стремительно обнимала ее, сжимая въ своихъ сильныхъ рученкахъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ какъ! — говорила она, и глазенки ея горѣли такою любовью, что и Соня невольно цѣловала ее или гладила по головѣ.

Соня научила Машу опрятности: она расчесывала ей волосы и заплетала косу, заставляла мыть руки и лицо, стригла ей ногти...

Такъ прошло больше мѣсяца. Стояли іюльскіе жары вперемежку съ дождями, но такими теплыми, что послѣ нихъ становилось въ воздухѣ еще душнѣй.

Дѣти только что выкупались и сидѣли въ саду.

Вдругъ на заливѣ показалось нѣсколько шаландъ ****), наполненныхъ китайцами. Они что-то пѣли, шумѣли, перекликались съ корейцами, стоявшими на берегу.

Анна Алексѣвна позвала Александра и велѣла ему узнать, что это за люди. Горбунъ сбѣгалъ на берегъ, и вернулся мрачный.

— Кто ихъ знаетъ, не говорятъ, корейцы тоже отъ нихъ толку не добьются. Пожалуй, хунхузы...

Маленькая семья немного встревожилась, но шаланды постояли, постояли да и скрылись за сосѣднимъ мысомъ.

Прибѣжала Маша. Она давно уже обѣщала показать дѣтямъ своего „бога" и теперь повела ихъ въ лѣсъ, въ самую чашу.

— Смотрите, не заходите слишкомъ далеко, — съ тревогой въ голосѣ сказала имъ Анна Алексѣвна.

— Нѣтъ, мама, вѣдь Маша знаетъ дорогу, — возразили дѣти.

Въ глуши, между столѣтними дубами и кедрами, перепутанными дикимъ

****) Китайская барка съ парусами.

виноградомъ и ползучими растеніями, запряталась полянка, а посерединѣ росъ старый корявый вѣтвистый дубъ. На его вѣтвяхъ висѣли и болтались въ воздухѣ безчисленные лоскутья красные, синіе, пестрые, бѣлые, а подъ нимъ лежали пучки морской капусты и стояли чашечки съ рисомъ, черепочки съ чумизою, бутылочки съ водкою. Это и былъ „богъ“ корейцевъ — каждый приносилъ ему что могъ, что имѣлъ. Маша бросилась лицомъ на землю и пролежала такъ нѣсколько секундъ; Витя же, между тѣмъ, подошелъ къ дубу и сталъ перебирать висѣвшія на вѣтвяхъ тряпочки. Маленькая корейка поднялась. Увидѣвъ Витю, она въ два прыжка была подлѣ него.

— Что ты дѣлаешь? — съ испугомъ закричала она, хватая его за руку, — нельзя трогать, богъ сердитый, бѣда будетъ!

Витя засмѣялся.

— Какой же это богъ? Это тряпки...

— Уйдемъ, уйдемъ скорѣе, — вся, дрожа отъ страха, говорила Маша и потащила за собою Витю, — теперь бѣда, богъ ой какой сердитый!

Дѣти ушли, посмѣиваясь надъ Машей, но корейка все оглядывалась назадъ и увѣряла, что теперь уже быть бѣдѣ.

Не успѣли дѣти отойти шаговъ пятьдесятъ отъ священнаго дуба, какъ вдругъ совсѣмъ близко, у берега залива послышались голоса и шумъ приближающихся шаговъ. На заливѣ показалось нѣсколько шаландъ.

Маша юркнула въ чащу и увлекла за собою дѣтей. Густой кустарникъ совсѣмъ укрывалъ ихъ, но сквозь вѣтви они отлично видѣли тропинку. По ней одинъ за другимъ шли теперь отъ залива въ лѣсъ человекъ двадцать китайцевъ, Свирѣпныя лица, изодранная одежда, ножи за поясами придавали имъ такой страшный видъ, что Соня едва не вскрикнула и схватила Машу за руку.

— Тише, — прошептала корейка, — хунхузы... Китайцы о чемъ-то громко разговаривали. Они остановились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дѣтей и, видимо, совѣщались, куда направиться. Наконецъ, старшій, невысокій, приземистый китаецъ съ изрытымъ оспою лицомъ, махнулъ рукою въ сторону фанзъ, и скоро всѣ они скрылись изъ виду.

Дѣти долго не рѣшались выйти изъ лѣсу, но, наконецъ, вылѣзли изъ своей засады и помчались домой, не переводя духу.

— Мама, мы видѣли хунхузовъ! — закричали они матери еще изъ сада.

Анна Алексѣевна не очень-то имъ повѣрила.

— Почему же вы думаете, что это хунхузы? Быть можетъ, просто, китайцы—рабочіе, ищутъ заработка...

— Нѣтъ, мама, Маша говорить...

— Маша у васъ точно оракуль,— съ неудовольствіемъ замѣтила Анна Алексѣевна,— садитесь-ка лучше обѣдать, а то, пока вы тамъ пропадали, у меня и супъ простылъ.

Дѣти примолкли, но мысль о хунхузахъ не выходила у нихъ изъ головы.

Послѣ обѣда Витя нашелъ Александра, чинившаго на дворѣ сбрую.

— Александръ, ты боишься хунхузовъ?

— Чего мнѣ бояться? Что умирать, что жить, мнѣ все равно...

— А если они сюда придутъ...

— Ну, я ихъ попотчую топоромъ: разъ, разъ, и голова прямо!..

Это была его любимая поговорка, ею онъ выражалъ самыя разнообразныя мысли.

Послѣ обѣда Александръ уѣхалъ въ городъ за провизіей. Онъ долженъ былъ

вернуться только на другой день, и наши дачники оставались совсѣмъ одни.

Вечеромъ, когда сильно стемнѣло, всѣмъ стало какъ то жутко.

Анна Алексѣевна особенно внимательно осматрѣла, заперты ли двери, а дѣти долго перешептывались, пока заснули...

IV

Между тѣмъ въ корейской фанзѣ, гдѣ жила Маша со своими отцомъ и матерью, собралась вся семья. Мать Маши варила на низенькомъ очагѣ рисъ къ ужину, отецъ чинилъ сѣть, работникъ помогать ему, Маша играла въ уголку съ какими-то чурбашками-куклами, младшія дѣти спали на палатяхъ у очага.

Вдругъ на дворѣ слышались голоса, дверь распахнулась и на порогѣ появилось трое хунхузовъ.

— Гей, женщина, мы пришли ночевать, — сказалъ старшій изъ нихъ.

Маша взглянула на него и сейчасъ же узнала изрытое оспою лицо, мелькнувшее давеча въ лѣсу.

Корейцы въ рукахъ хунхузовъ: они страшно боятся грозныхъ разбойниковъ и не смѣютъ ихъ послушаться. И мать, и отецъ низко, низко присѣли, сложивъ на груди руки.

— Миръ вамъ, — сказалъ кореецъ, — мы рады раздѣлить съ вами все, что у насъ есть.

Китайцы расположились, какъ дома; они сняли свои изорванные халаты и развѣсили ихъ у огня посушить, такъ какъ на дворѣ шелъ дождь; разулись и поставили къ очагу свои туфли на высокой войлочной подошвѣ, вынули изъ-за поясовъ палочки-вилки и дружно принялись за рисъ въ чашкѣ и за похлебку изъ морской капусты. Все время они пересмѣивались, переглядывались, говорили о какомъ-то дѣлѣ сегодня ночью...

Маша въ страхѣ жалась въ уголъ, чтобы только они ее не примѣтили. Когда мать замѣшкалась и не скоро подала огня старшему, закуривавшему трубку, онъ грубо толкнулъ ее и проворчалъ:

— Ну, собака, поворачивайся-ка живѣй...

Самимъ хозяевамъ безцеремонные гости не оставили ни крошки: Машѣ очень хотелось ѣсть, но она не смѣла пошевелинуться и съ широко раскрытыми глазами молча, неподвижно сидѣла въ своемъ углу. Ей невольно пришло на мысль, что это разсерженный богъ мститъ за давешнее посѣщеніе въ лѣсу.

Наконецъ ужинъ окончился.

Китайцы встали, и старшій подошелъ къ отцу Маши.

— Слушай, — сказалъ онъ ему, — ты проведешь насъ на заимку и потомъ, чтобы духъ тьмы проглотилъ тебя, чтобы глаза твои не видѣли и уши не слышали — понялъ? а то — голова съ плечъ...

Кореецъ задрожалъ и припалъ лицомъ къ землѣ. Онъ даже не смѣлъ ничего отвѣтить. Маша въ страхѣ прижалась къ матери; крупныя слезы покатились у нея изъ глазъ.

— Молчи, не плачь, увидятъ, — шепнула ей мать побѣлѣвшими отъ страха губами.

Маша замерла, но въ головѣ у нея пронеслась мысль о ея новыхъ друзьяхъ. Неужели злые хунхузы убьютъ и добрую мадаму, и Витю, и Соню? И она больше не увидитъ ихъ живыми!.. нѣтъ, нѣтъ, этого не должно быть...

Дѣвочка быстро, неслышно скользнула изъ рукъ матери, проползла подъ палатами и юркнула за спиною отца въ полуотворенную дверь.

Мать хотѣла окликнуть ее, но подумала, что, пожалуй, дѣвочкѣ и лучше спрятаться на дворѣ, а то еще хунхузы увидятъ ея слезы. Ей тоже жалко было добрую мадаму и дѣтей,

но перечить хунхузамъ — вещь немыслимая для корейцевъ...

Страшные гости, между тѣмъ, выкурили еще по трубкѣ, подняли съ земли корейца, вытолкали его за дверь и тихо, осторожно пошли за нимъ по дорогѣ.

Анна Алексѣевна только что стала засыпать, какъ вдругъ кто-то тихо стукнулъ въ окно. Она приподняла голову и увидала за стекломъ блѣдное лицо Маши. Сердце у нея сжалось предчувствіемъ чего-то недобраго. Она быстро соскочила съ кровати и открыла окно.

— Маша, что ты?

— Ахъ, мадама, скорѣй, скорѣй бѣги — хунхузы!.. проговорила дѣвочка, и слезы ручьемъ хлынули у нея изъ глазъ.

— Гдѣ? Что такое?

— Бѣги, бѣги, они сейчасъ придутъ, отецъ долженъ дорогу имъ показывать...

Анна Алексѣевна въ одну секунду сообразила всю опасность.

— Но куда же намъ бѣжать?

— Маша знаетъ дорогу... тутъ... внизу... быстро прошептала Маша, показывая на утесъ и тропинку къ заливу.

Витя и Соня тоже проснулись и, взглянувъ на мать, поняли, въ чемъ дѣло. Витя схватилъ свой финскій ножъ.

— Мама, я не дамъ тебя убить, храбро заявилъ онъ, одѣваясь и не выпуская ножа изъ рукъ.

У Сони дрожали руки и ноги, но она тоже накинула капотикъ и въ туфляхъ на босу ногу выскочила изъ окна вслѣдъ за Витею.

Опасность придавала всѣмъ силы: въ одну минуту всѣ трое, не смотря на темноту и слякоть, сползли по тропинкѣ внизъ вслѣдъ за Машею и побѣжали къ заливу. Маша молча указала на ноги: всѣ схватили туфли въ руки и вошли въ воду. Они шли такъ минутъ пять по колѣно въ водѣ, потомъ Маша юркнула въ чащу кустарника, росшаго у самого берега, подала руку Сонѣ и знакомъ показала, чтобы остальные тоже схватились за руки. Такъ они шли молча, гуськомъ; ноги ихъ шлепали по грязи и скользили, платья цѣплялись за сучья, въ лицо хлестали мокрая вѣтки, но маленькая корейка и ночью, въ темнотѣ отлично знала знакомыя тропинки — черезъ полчаса она вывела ихъ на большую дорогу и тихо спросила у Анны Алексѣевны:

— Ну почта ходи?

Анна Алексѣевна невольно удивилась ея сообразительности: дѣйствительно, самое безопасное мѣсто была почтовая станція, находившаяся теперь отъ нихъ верстахъ въ трехъ.

Да, да... поспѣшно отвѣчала она.

Изъ предосторожности шли не по самой дорогѣ, а подлѣ, въ кустахъ, хотя теперь уже трудно было хунхузамъ догнать ихъ.

Дѣти не шли, а бежали, — Анна Алексѣевна едва поспѣвала за ними. Наконецъ показался вдаль фонарь, и черезъ четверть часа вся семья измокшая, издрогшая, запыхавшаяся входила на высокое крыльцо.

Станціонный писарь съ просонку не разобралъ въ чемъ дѣло.

— Вамъ лошадей? — спросилъ онъ, съ трудомъ протирая глаза: лошадей нѣтъ... но въ тотъ же моментъ, увидавъ передъ собою полуодѣтыхъ, блѣдныхъ, задыхавшихся отъ усталости людей, онъ живо проснулся и стоялъ передъ ними молча, разинувъ отъ удивленія ротъ и вытаращивъ глаза. Анна Алексѣевна въ изнеможеніи опустила на стулъ; ей сдѣлалось дурно...

Прибѣжала жена писаря, принесла воды; съ Соней сдѣлалось что-то вродѣ истерики, она и плакала, и смѣялась, и только одинъ Витя, какъ настоящій мужчина, выказалъ полное присутствіе духа: онъ то уговаривалъ Соню, то мочилъ виски мамѣ, то отвѣчалъ на разспросы столпившихся хозяевъ и ямщиковъ. Когда, наконецъ, все поуспокоилось, хватились Маши, но ея и слѣдъ простылъ.

Когда Маша увидала, что ея любимцы спасены, она вдругъ, сразу поняла, что она сдѣлала: а что если хунхузы отомстятъ ея отцу? Вѣдь они поймутъ, что кто-нибудь изъ семьи ихъ предаль...

Сгоряча эта мысль ей не приходила раньше въ голову, но теперь она ясно сознавала, что надо скорѣе бѣжать назадъ, домой, сказать все своимъ, предупредить ихъ... И она помчалась обратно, по кратчайшему пути, черезъ лѣсъ, черезъ болото, скорѣй, скорѣй...

V

Тревожная ночь прошла. Настало утро яркое, солнечное, радостное.

Къ почтовому двору бойко подкатила знакомая дѣтямъ телѣжка, запряженная Сѣрымъ, и изъ нея выползъ Александръ.

Дѣти выбѣжали на крыльцо.

— Ага, вотъ, вѣдь, такъ я и думалъ! — ухмыляясь во весь ротъ, проговорилъ Александръ, — думаю, куда же имъ дѣться, какъ не на почту... А оно такъ и есть...

— Откуда ты, Саша? — спрашивали дѣти.

— Откуда? Изъ дому, откуда же?

— А хунхузы?

— Хунхузы-то? Я ихъ, разъ, разъ и голова прямо! Одинъ сидитъ въ подпольѣ...

— Какъ такъ?

— Да дайте же мнѣ хоть въ комнату войти, — отмахнулся онъ отъ приступавшихъ къ нему дѣтей.

Оказалось, что и горбунъ поступилъ по-геройски и спасъ заимку отъ разграбленія: онъ вернулся раньше, чѣмъ предполагалъ; Машинъ отецъ встрѣтился ему по дорогѣ и рассказалъ все. Тогда онъ тихонько прокрался на заимку и спрятался у окна въ кустахъ: двое хунхузовъ бѣгали по саду, искали слѣдовъ, а третій хозяйничалъ въ комнатахъ. Александръ неслышно влѣзъ въ окно своей каморки, открылъ подполье и притаился подъ кроватью. Хунхузъ вошелъ въ каморку и полѣзъ въ подполье. Тогда горбунъ, какъ кошка выпрыгнулъ изъ подъ кровати и захлопнулъ подполье, да еще поверхъ его надвинулъ свой тяжелый сундукъ. Потомъ онъ побѣжалъ въ спальню, схватилъ заряженный револьверъ, который у Анны Алексѣевны всегда лежалъ на письменномъ столѣ, подкараулилъ бѣгавшихъ по дорожкамъ хунхузовъ и выстрѣлилъ въ упоръ въ одного изъ нихъ.

— Кажется, ранилъ... закончилъ онъ.

— А другой?

— Да оба убѣжали, только пятки замелькали; они, вѣдь, пули не любятъ. А третій посидитъ, пока я съѣзжу на станцію да приведу казаковъ.

Витя пришелъ въ восторгъ отъ рассказа горбуна.

— Молодецъ ты, Саша, — сказалъ онъ, — вотъ ужъ я не думалъ, что ты такой храбрый!..

— А что мнѣ? — Разъ, разъ и голова прямо! — Что жить, что умирать!..

Въ тотъ же день Анна Алексѣевна съѣздила къ губернатору и попросила себѣ на заимку охрану изъ казаковъ. Ей дали троихъ, да еще прислали двоихъ, чтобы взять

запертаго въ подпольѣ хунхуза. Съ тѣхъ поръ она могла спать спокойно, но Машина семья сильно боялась мести китайцевъ; отецъ ея спѣшно сдалъ свое хозяйство знакомому корейцу, и вся семья переѣхала на житье въ другую мѣстность.

Маша трогательно прощалась съ дѣтьми.

— Маша, — пріѣзжай къ намъ на зиму жить, мы тебя учить будемъ, — уговаривали ее дѣти.

Маша печально улыбалась, Нельзя, Машѣ теперь мать совсѣмъ не позволить, отецъ сердить, говорить, изъ-за Маши уѣхать надо.

Увы! бѣдная Маша! Родители ея даже не поняли ея поступка, и ей порядочно досталось за то, что вмѣшалась не въ свое дѣло. Но сама она не раскаивалась: когда она смотрѣла на Витю и Соню, живыхъ и здоровыхъ, веселая улыбка не сходила съ ея губъ; она мысленно повторяла себѣ:

— Нѣтъ, это хорошо, что Маша сдѣлала, очень, очень хорошо...

СИРОТА

КОЛЬКА И МАНЕЧКА

На дворѣ большого четырехэтажного дома, въ песокѣ и мусорѣ копался мальчикъ лѣтъ тринадцати. Черные, какъ смоль, волосы кольцами и кудрями спускались на высокій лобъ; на худомъ, блѣдномъ, слегка загорѣломъ лицѣ просвѣчивали синія жилки; большіе, черные глаза то блестѣли и искрились, то заволакивались задумчивымъ туманомъ, то совсѣмъ полужакрывались темными рѣсницами; изъ подъ толстыхъ, красныхъ губъ порою блестѣлъ рядъ синеватобѣлыхъ зубовъ; подъ темною кожею голыхъ рукъ и ногъ ясно обозначались крѣпкіе, жилистые мускулы. Мальчика этого звали Колькой; онъ жилъ у тетки Марѣы и дяди Трофима въ подвалѣ, въ портерной, и приходился имъ какимъ-то дальнимъ родственникомъ. Портерщикъ съ женою считались въ околоткѣ людьми достаточными, ихъ собственныя дѣти ходили чисто, носили сапоги, имѣли зипуны и тулупы. Но о Колькѣ мало кто въ семьѣ заботился, о немъ вспоминали только тогда, когда надо было „посидѣть“ въ портерной за прилавкомъ. Носилъ онъ обноски хозяйскихъ дѣтей, обуви лѣтомъ и весною ему совсѣмъ не полагалось, а зимою давались рваные валенки съ чьихъ нибудь ногъ. Колька бѣгалъ въ школу за городъ, версты за двѣ; для этого ему долго пришлось выпрашивать позволеніе у „дяденьки“, который считалъ ученіе баловствомъ и поблажкой. Но все равно, Кольку пока некуда было дѣть, и ему разрѣшили бѣгать къ учителю. Была школа и въ городѣ, ближе, но туда ходили всѣ сосѣдскіе ребяташки; они смотрѣли на него свысока, учитель косился на босыя ноги и рваную рубаху; Колькѣ было стыдно, и онъ охотнѣе бѣгалъ въ пригородъ, гдѣ сидѣли за столами такіе же рваные, босоногіе мальчишки, какъ и онъ самъ.

Колька лѣпилъ изъ глины колодець и обломкомъ ножа строгалъ что-то изъ палочекъ. Онъ часто поглядывалъ на окна третьяго этажа, при всякомъ шорохѣ вздрагивалъ и оборачивался; повидимому, онъ кого-то съ нетерпѣніемъ ждалъ.

Наконецъ, изъ-за угла дома вышла дѣвочка лѣтъ девяти, въ чистенькомъ ситцевомъ платьицѣ и бѣломъ передникѣ. Она была бѣлокурая, толстенькая, невысокая; красныя пухлыя щеки съ ямочками немного лоснились, пальчики и сгибы на рукахъ точно перетягивались нитками; вздернутый носикъ, быстрые глазки, ротикъ съ пуговку — все это двигалось, ходило, смѣялось, нельзя было уловить минутки, чтобы разсмотрѣть хорошенько это маленькое плутовское личико. Манечка была далеко не хорошенькая дѣвочка, но нельзя было посмотрѣть на нее и не улыбнуться: ея розовымъ ямочкамъ на щечкахъ часто доставалось отъ непрошенныхъ поцѣлуевъ. Колька бросилъ и щепочки, и осколокъ ножа и вприпрыжку побѣжалъ къ ней навстрѣчу.

— Манечка, что ты такъ долго?

— Нельзя было, Колька, я, вѣдь, теперь въ пансіонъ хожу; приду домой, надо пообѣдать, переодѣться, Киньку накормить. Смотри, какой онъ сталъ большой!

Манечка вынула изъ передника сѣраго котенка. Дѣти посмотрѣли на него, погладили и пустили гулять по двору.

Манечка была дочь какого-то чиновника. Она росла не одна у папы и мамы, но всѣ въ домѣ ее особенно любили, даже старшія дѣти баловали не меньше самихъ родителей. Съ Колькой она познакомилась мѣсяца два тому назадъ, въ началѣ лѣта, въ то время, когда у портерщицкой кошки родились котята. Ихъ некуда было дѣть, и Колькѣ велѣли утопить ихъ. Онъ бы, можетъ быть, и утопилъ, да ужъ очень жалобно они пищали, Колькѣ стало ихъ